

Виктор Слипченко

Земляника

Лунза – это таёжная деревушка. Она живёт у подножия двух сходящихся сопок и имеет свою речку. Лунза живёт тихо. Она живёт тихо и ждёт дождя. В дождь лунзовская речка несёт такие воды, что по ней можно сплавлять лес. И Лунза сплавляет лес.

Сейчас по дну речки прыгает тоненький родник. Этот родник журчит, как заводной. Но мы очутились в Лунзе не для того, чтобы слушать родник. Нам нужна Лунза для ночёвки. Сашка Каримов обещает мне назавтра сплошное удивление. У Сашки в кармане карта, нарисованная синим карандашом. По этой карте мы найдём одно место. Это место называется Китайской крепостью. От Лунзы до Китайской крепости подать рукой, но идти туда глядя на ночь нет смысла. И мы с Сашкой заходим в первую от дороги избу.

– Здравствуйте, – говорим мы с Сашкой.

– Здорóвы, здорóвы, – отвечает нам бабка.

Она шевелится у печки, и её трудно разглядеть. С улицы всегда так, пока не привыкнешь к полумраку. Бабка ставит две табуретки, и мы садимся.

– К деду поди? (Бабка перестаёт шевелиться.)

– Нет, нам – переночевать. Мы – за ягодой.

Бабка опять у печки, и мы видим, что она вываривает бельё. Сидеть с рюкзаками неудобно, и мы кладем их в угол возле входной двери.

– Свету бы дала – пакость налетит. – Зачем свету? Вы бы нам постелили, а то мы и на машине ехали, и пешком шли, – сказал Сашка.

Бабка передвигается в горницу, и мы слышим, как за ситцевой занавеской она справляет постель.

В кухне, возле печки, две табуретки и лавка. На лавке ведро с водой и алюминиевым ковшом. Ещё в кухне самодельный стол, накрытый вытертой до дыр клеёнкой. По клеёнке гуляют мухи и нюхают крошки. Это не голодные мухи.

– С Алтыновских?

– Нет, мы из геологоразведочной партии, – говорю я.

Бабка двигается, согнувшись. Мы с Сашкой заходим в горницу. В горнице намного светлее. Я смотрю на семейные фотокарточки, выставленные в большой жёлтой рамке. Их много, как на витрине в фотографии. С фотокарточек улыбаются причёсанные мальчики и девочки с бантиками. Бантики у девочек в косичках, а у мальчиков на груди. В самом верху рамки трое военных, со шпалами на воротниках, а в центре, впереди них, сидит молодая особа в старинном вычурном кресле. Трое военных молчат, а женщина хочет улыбнуться.

Мы с Сашкой ложимся на постель, собранную из потёртых фуфаек, и задумываемся, чтобы уснуть.

Потом я встаю и выхожу на кухню. Бабка сидит на табуретке, и свет от печки играет на её руках. Руки у бабки большие и старые. Она их держит в подоле, как в тазике.

– Бабушка, там, в рюкзаке, у меня есть – для дедушки, пусть возьмёт.

Бабка согласно кивает. Голова у бабки белая-белая, как в извёстке. Я ухожу спать.

198

Утром мы встаём вместе с солнцем и умываемся в роднике. Бабка нам ставит яичницу и полбутылки водки. Бутылка заткнута газетной пробкой.

– Дед вчера добрался – не растолкашь.

Мы с Сашкой смеёмся и оставляем водку без внимания.

Примерно через час по Сашкиной карте мы выходим к Китайской крепости. Китайская крепость – это пенькообразная сопка. Как и всякий пень, с северной стороны она имеет дремучую растительность – нас интересует южная сторона. Здесь, в траве, должна быть земляника. Здесь должна быть не земляника, а сплошное удивление. Мы достаём из рюкзаков вёдра и с вёдрами в руках бежим к сопке. Сашка был прав. Мы увидели не землянику, а сплошное удивление. Она горела красным и чистым, как жар, пламенем.

– Десять ягод, и – полный стакан! – закричал Сашка. – Десять ягод, и...

Сашка запнулся.

Человеческие черепа лежали в траве наполовину в земле. Земляника не могла скрыть их костяного сияния зубов. Они попадались на каждом шагу. Они рассыпались от нечаянного прикосновения. Они смеялись, как живые.

– Кладбище, – выдохнул Сашка.

Мы боялись пошевелиться – вся сопка была усеяна человеческими костями. Над нами стояло июльское солнце. Мясистая земляника истекала густым соком, и сладкий запах смерти отравлял голову.

Мы вымыли ботинки, потому что сок уродливых ягод нам казался кровью и Сашку как аллергия стошнило.

– Пусть здесь пасутся птицы.

Сашка вытащил карту, нарисованную синим карандашом, и сжёг её. Эту карту он получил от искателя женьшеня. Этот искатель вчера угощал Сашку земляникой, а сегодня Сашка ненавидит «женьшеньщика» лютой ненавистью.

– Пусть только попадётся, я ему покажу «женьшень».

Сашка убеждён, что угощать ягодой с человеческих кладбищ могут только негодяи или уже совсем глупенькие. И разве это не так?

Мы смотрим, как по дну каменистого русла прыгает родник. Этот родник журчит, как заводной.

– Какая нормальная жизнь, – завидует Сашка роднику.

И мы опять смотрим на живые прозрачные струи, в которых неутомимое июльское солнце, перебирая, множит и множит разноцветные драгоценные камешки.

